

Шахтерский шансон Байгельмана

Морис Самуилович Байгельман

//Фото: из семейного архива

Мы давно свыклись с исторической данностью, определенной известными обстоятельствами, позволяющей считать наш город многонациональным. Мы хорошо понимаем, что очень немалая часть краснотурьинцев имеет в своих родовых коленях людей, заброшенных в наши северные края далеко не по своей воле. И тем не менее, иногда внезапно приоткрывшиеся подробности биографии того или иного земляка заставляют просто неметь от изощренной фантазии его величества Случая, превращающего судьбы в подобие талантливо написанного романа.

...Вы, например, можете себе представить такое: человек, которого в городе все знают, как известного горняка, ветерана БРУ, труд которого оценен страной орденами «Шахтерская слава» всех трех степеней, до совершеннолетия имел метрики, в которых на французском языке было записано, что он – «Байгельман Морис-Жозеф родился 22.02.1924 г. во Франции, в городе Париже»? И что до 4-х лет, до переезда в Россию, маленький Морис совсем не знал русского языка?

...А вообще-то их древний еврейский род был европейским ответвлением, осевшим в благодатной Польше.

Для справки: до 2-й мировой войны в Польше проживало 30 млн. человек, из которых 3,5 млн. составляли евреи. После войны в результате массового их уничтожения гитлеровцами в «лагерях смерти» на оккупированных территориях и сталинских репрессий в СССР (кому удалось сбежать от фашистов) их осталось около 380 тысяч человек.

Отец Мориса – Самуил Моисеевич, как и мама – Мария Иосифовна, родились в польском городе Островце, входившем в конце 19-го столетия в состав Российской империи. Оба они были выходцами из бедных многодетных семей, основным доходом которых была кустарная работа. И если маме все-таки удалось окончить 4-классную школу, то отцу даже этого образования не удалось получить: в 10 лет его отдали в подмастерье к мастеру по пошиву обуви.

А в 1915 году разразившаяся в Европе мировая война докатилась и до Островца. Австро-венгерские войска, выбив с южных территорий Польши российскую армию, тут же приступили к интернированию (насильственному переселению) юношей призывного возраста с захваченных земель в Австрию. Двадцатилетний Самуил, отправленный на одно из военных предприятий Австрии, в силу своего мятежного характера тут же вступает в социал-демократическую партию. После участия в одной из политических акций его заключают в зловеще известную крепость Визельбург, а потом высылают на каторжные работы в Венгрию.

Осенью 1918 года в Австрии и Венгрии после разразившегося политического кризиса выстроенная на крови империя рухнула, а в начале 1919 года власть в Венгрии перешла к коммунистам, которые, правда сумели ее удержать всего 4,5 месяца.

Вступивший в ряды Венгерской народной армии, Самуил в боях с войсками Антанты за Будапешт был тяжело ранен и взят в плен. Однако после излечения он подпадает под амнистию и снова оказывается на родине – в Польше.

В 1920 году Польша была уже самостоятельным государством. И, едва оправившись от колониальной зависимости агрессивных соседей, сама начала присматриваться к чужим территориям. Именно на почве взаимных притязаний началась вялотекущая война Польши с Россией. Несмотря на то, что по возвращении в родные места Самуил, наконец, вроде бы остепенился, женившись

на девушке, которой давно симпатизировал – Марии, участие в партийных делах привело его к конфликту с властями.

И через два года скитаний после бегства из страны, где его заочно приговорили к смертной казни, он выбирает местом своего нового жительства Париж. Вскоре туда перебирается и его молодая жена.

...С 1922 по 1927 годы, что родители Мориса жили во Франции, были, пожалуй, самыми счастливыми годами их жизни. Но все та же тяга к общественной жизни (они опять оказались на гребне политической активности, участвуя в работе коммунистической партии) привела их к выбору – либо тюрьма, либо высылка из страны. И они выбрали – ехать в Советскую Россию.

Можно представить себе ощущения молодых родителей Мориса, оказавшихся в разоренной войнами, разрушенной и голодной стране после жизни в сытой и беспечной Европе. Они едут вначале в Москву, но оседают, в конце концов, в Минске. Самуил Моисеевич поступает закройщиком на обувную фабрику «Красный Октябрь», а Мария Иосифовна – телефонисткой на телефонную станцию. Вскоре отцу, как ударнику труда, выделяют престижное жилье. Мама поступает в высшую партийную школу. Жизнь потихоньку начинает налаживаться.

Шустрый и непоседливый Морис учился хорошо, но поведением своим заставлял все же родителей иногда огорчаться. Он и сегодня хорошо помнит ту веселую и беззаботную жизнь в Минске начала 30-х годов. Шумные ребячьи походы в кино и театры, занятия спортом, вылазки на природу и безумный азарт на футбольном стадионе, где время от времени проходили матчи с участием тогдашних корифеев – все это ярким пятном врезалось в его память на всю жизнь.

В феврале 1938 года родители разрешили Морису провести «самостоятельно» свое четырнадцатилетие. А уже через пару недель его счастливое детство закончилось.

...Ночью с 3-го на 4-е марта Морис проснулся от громких голосов в спальне и зале. В квартире шел обыск, ходили, хрустя сапогами по разбросанной на полу канцелярской мелочи, незнакомые люди. Мама машинально гладила мальчика по голове, а отец, которому вскоре предложили одеться, взял его на руки, поцеловал и сказал: «Позаботься о матери, а я должен вернуться – честных коммунистов не могут арестовывать». Когда отца увели, мама начала было собирать разбросанные вещи, но оставшиеся в квартире молчаливые незнакомцы, показав другую официальную бумагу с печатями, приступили к новому обыску.

Перевернув все вверх дном, чекисты велели одеться и маме, а Морису предложили собрать свои вещи. Мама со слезами на глазах бросилась к старшему из них: «А что же будет с сыном?». Тот пожал плечами, но потом, спросив о родственниках и получив ответ, что в Минске их нет, задумался и пошел звонить

начальству. Хорошо, что на шум вышел сосед по лестничной площадке и забрал перепуганного насмерть мальчика ночевать к себе.

...Прошло две недели. Морис все ждал освобождения своих арестованных, как он считал, по ужасному недоразумению, родителей. Но через две недели на черной легковушке приехал дяденька в форме НКВД и за ним. Неделью его продержали в детприемнике, а затем в компании еще троих ребятишек отправили на Украину, в Харьков, в детдом спецконтингента. Он до сих пор помнит одного из своих товарищей по несчастью – красивого, серьезного мальчика Витю Лещинского, сына бывшего наркома просвещения.

Он ждал родителей, тоскуя о них в казенном детском заведении, где, однако, вопреки его опасениям, он встретил участливое и тактичное отношение со стороны обслуживающего персонала. Ему и в голову не могло тогда прийти, что он их уже больше никогда не увидит. Только после хрущевской «оттепели» в далеком 1957 году он получит на руки документ об их посмертной реабилитации.

А юная энергия требовала выхода. Повзрослевший Морис, что называется, с головою окунается в общественную жизнь детдома. Опираясь в своей работе на «макаренковские» методы воспитания подростков, руководители этого заведения давали воспитанникам максимум свобод при выборе занятий и образования. Здесь был введен не принудительный, но всемерно поощряемый физический труд. И окончивший успешно 10 классов Морис получил на выпускном вечере не только «золотой» аттестат, но и удостоверение о присвоении ему 4-го разряда по специальности «токарь».

...Щемящие звуки выпускного вальса еще тревожили мятежную душу юноши, стоящего на пороге взрослой жизни, когда вдруг кто-то из товарищей выговорил вслух это зловещее и страшное слово: «Война...».

А Харьков жил своей прежней, мирной жизнью. Военные сводки пугали потерями территорий, но мысль, что враг может когда-то дойти до Украины, казалась тогда нелепой. Все жили надеждой, что наши войска, совершив какой-то хитроумно задуманный маневр с небольшим отступлением, нанесут-таки решающий удар по фашистам.

Морис без особого труда поступил на историческое отделение Харьковского госуниверситета. Вскоре он вступил в комсомол по так называемой «партдирективе» выборочного приема в комсомол детей «врагов народа». Но едва начавшись, занятия вскоре были прерваны. В составе студенческого народного ополчения весь их курс был вывезен в район сельского поселения Зачепиловки на рытье противотанковых рвов. «Нас было тысяч шесть, – вспоминает Морис Самуилович, – жили в помещениях – где придется, кормили сносно, но уже недели через три нас пешком (железная дорога была повреждена) повели обратно в Харьков.

А город бурлил от слухов, что немцы вот-вот подойдут к его окраинам. Всюду шла спешная эвакуация. В университете, куда пришел растерянный Морис, ему объявили, что организованно будут отправлены в Казахстан только старшие курсы, а все остальные должны туда добираться самостоятельно.

И что ему оставалось делать? В городе – никого знакомых, никого друзей. Он теперь не помнит, как так получилось, но решение пришло неожиданно: Морис вернулся в детдом. Именно в тот момент, когда помощи ждать было неоткуда, он пришел к людям, не по должности, а по душевной щедрости ставшими истинными воспитателями для детей, потерявших родителей.

Он пришел очень своевременно. Детдом готовился к эвакуации, а воспитателей не хватало. Его спешно зачислили в штаты и вместе с другими воспитателями направили организовывать переезд. Когда прибыли к пригороду Сталинграда (а это был июль 1942 года), немцы уже сбросили на город несколько бомб. Большинство детей с воспитателями все же поехали в город (все были уверены, что Сталинград будет защищен), а Морис вместе с директором и небольшой группой ребят должны были ехать на следующий день. Но утром следующего дня Сталинград был накрыт неслыханным бомбовым ударом. Полыхала станция, взлетали на воздух строения консервного завода, рушились жилые дома – вой, скрежет, грохот взрывов, столбы огня, вздыбленные горы земли и крики... истошные крики попавших в эпицентр этого ада людей.

Оставшиеся в живых дети и воспитатели (а с ними и готовый ко всему Морис) еще шесть дней переживали бомбежку, пока, наконец, им не удалось выбраться к Волге. Там они нашли пару волов и телегу и влились в поток беженцев.

В Камышине, куда через несколько дней они добрались, их погрузили на пароход и в полной темноте повезли вверх по Волге. И только в Молотове (ныне Перми) их высадили и направили в облоно. «Странное дело, – до сих пор не может понять Морис Самуилович, – по пути к месту назначения я несколько раз обращался в военкоматы населенных пунктов с просьбой об отправке меня на фронт (ведь мой возраст уже подлежал призыву), но всякий раз получал отказ с мотивировкой, что это в компетенции военкомата конечного пункта эвакуации». В Молотове и состоялся его долгожданный призыв в РККА.

...Морис Самуилович хорошо помнит щемящее чувство восторга, которое он тогда испытал, ведь после долгих лет ожидания смыть с себя ненавистное и неблагозвучное пятно «детей врагов народа» он, наконец, получил возможность это сделать. И когда в числе ста призывников, прибывших к месту сбора в условленное время, он узнал, что их повезут не на Запад, а на Урал, разочарованию его не было предела. А им объяснили, что добыча марганцевой руды, необходимой металлургам для получения качественной брони, сейчас такой же трудовой фронт, как и боевой.

Для справки: к началу 1942 года места добычи марганцевых руд были либо оккупированы немцами (Никопольское, Украина), либо невозможностью транспортировки отрезаны от промышленности Урала и Сибири (Чиатурское, Грузия). Разведанное и принятое к эксплуатации месторождение в Полуночном, что находится в 23 км к северу от Ивделя, было в то время единственным, годным для получения бронированной стали.

Это, по сути, и была «трудовая армия» – та же дисциплина и тот же жесткий распорядок дня. Жили в наспех построенных бараках, оборудованных для отдыха двухъярусными сплошными нарами. Морис попал не в карьер, а на вскрышу. Задачей их участка было убрать слой в 2-2,5 м глины, под которым располагался толстый (от 6 до 8 метров) пласт марганцевых руд.

Работали вручную. Инструментами были лопата и бур «горячего бурения» (лом с ручками для вращения, который грели на костре). Пробуренный шпур заряжали взрывчаткой и взрывали. Лопатами складывали глину на вагонетки – вот и вся нехитрая технология вскрыши.

Питались горняки в столовой – два раза день похлебка и немного каши на второе. Работали без выходных и отпусков. «Вначале я каждый день думал, что не выдержу и умру, – вспоминает Морис Самуилович, – но потом ничего – привык».

В мае 1943 года молодого и энергичного горняка переводят на сборку дизельного и электрического экскаваторов, перевезенных с каких-то старых

рудников. И на собранном электрическом экскаваторе Морис Самуилович до 1944 года работает помощником машиниста.

Потом он был переведен в шахту, где работал подземным откатчиком, вагонщиком и лопаточником. Вскоре он удостоивается звания «стахановец», а его фотография надолго «прописывается» на Доске почета.

...К концу войны жизнь на руднике стала заметно налаживаться. Появились выходные дни, бурными темпами благоустраивалось жилье, стало больше проводиться культурных мероприятий. А когда пришел, наконец, долгожданный День Победы, души людей и вовсе оттаяли. И хотя долгожданный этот день был встречен всеобщим бурным ликованием, режим работы на руднике был побудничному строг и обычен.

А оттаявшие сердца тут же потянулись навстречу счастью и любви. Весной 1946 года Морису приглянулась девушка по имени Таня, приехавшая в Полуночное тоже по мобпризыву. В январе 1947 года они поженились. И пускай был неустроенным быт (молодоженам дали комнату в деревянном бараке), пускай хронически не хватало денег, жизнь казалась им тогда удивительной и прекрасной.

С окончанием войны подошел к концу и срок мобилизации Мориса Самуиловича. Но он, сделав самые трудные шаги в постижении горняцкого ремесла, уже не мог остановиться на полпути, когда его практические знания стали иметь цену, не ниже инженерных. Без отрыва от производства он сначала оканчивает курсы на право ведения ответственных горных работ, а потом – горный техникум. И летом 1952 года переводится в Богословское рудоуправление горным мастером на строящуюся шахту «Первомайская» Покровского рудника. В 1955 году Мориса Самуиловича назначают начальником горнопроходческого участка, в начале 1961 года – начальником участка шахты «Капитальная», а в июле 1961 года – начальником участка на подготовленную к строительству шахту «Северопесчанская».

В марте 1968 года Морис Самуилович – уже начальник проходки. И в мае 1968 года он перевозит свою семью, в которой подрастали трое детей (сын Витя и дочери – Люба и Надя), в Краснотурьинск. А в марте 1974 года он оформляет пенсию, но до 1986 года продолжает работать сначала начальником производственно-технического отдела КШСУ, а затем – инженером по рационализации на шахте «Северопесчанская».

...В феврале этого года Морис Самуилович Байгельман отметил свое 89-летие. Он сегодня живет один, так как любимая его супруга до наших дней не дожила. Но поздравить его собралась почти вся огромная его семья (а кто не смог приехать, тот поздравил по телефону). Разве мог он когда-то, будучи подростком-сиротой, потерянным в неистово клокочущем водовороте событий середины

прошлого века, подумать о том, что к концу своей жизни даст такой бурный прирост потомства: трое детей, восемь внуков и пятнадцать (!) правнуков?

Что туг скажешь? Значит, корни этого прироста были здоровыми, жизнестойкими и праведными.

Борис УГЛИЦКИХ

Углицких, Б. Шахтерский шансон Байгельмана : [труженик тыла, ветеран Богословского рудоуправления Морис Самуилович Байгельман, г. Краснотурьинск] / Борис Углицких // Заря Урала. – 2013. – 22 июня (№74). – С. 2-3 : фот.